

ОТКАЗНОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

мая маринина

Майя Маринина

Отказной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65755886

SelfPub; 2021

Аннотация

Лейтенант Скворцов хотел как лучше, а получилось как всегда – непонятно, страшно и смешно.

Содержит нецензурную брань.

Майя Маринина

Отказной

Кондиционер, как известно, нужно заслужить.

Вот заслужить кулер оказалось несложно – хватило бутылки марочного коньяка. В такую жару, правда, кулер уже не спасал. Да еще и на воду приходилось скидываться с соседом по кабинету, Лехой Дмитриевым, который, к тому же, вечно по этому поводу ныл.

Саня встал из-за стола, пересек кабинет наискосок, раздвинул захватанные жалюзи и открыл окно. Потное лицо обдало горячим, будто из духовки, воздухом. Воздух пах дымом – от торфяников.

Пыльный тополь, растущий вплотную к зданию отдела, зашелестел на ветру, и Саня чихнул. С облезлой ветки на него смотрел голубь, синий и жирный – совсем как зам по снабжению, у которого предстояло выпрашивать кондиционер. Единственное их с Лехой спасение.

Саня захлопнул окно и побрел обратно. Вспомнил по пути, что, помимо отчета, ему нужно подготовить еще и рапорт по жалобе из главка, и окончательно сник.

– О, Сань, я думал, ты на проверке, – Леха положил фуражку на шкаф, рядом пристроил засаленный портфель. – Очень удачно, тут как раз для тебя клиент на личном приеме.

– Опять небось какая-нибудь сумасшедшая бабка? – от-

пираться Саша не стал – один прием он Лехе задолжал.

– Так точно.

– Почему сумасшедшие бабки всегда мне? Где мои красивые адвокатши, с ордером, ксивой и заранее написанным заявлением?

– Потому что у тебя талант с бабками управляться, после тебя они в прокуратуру не идут, – Леха уселся за свой стол и вытянул ноги. – Чуют, что ты тонкий и звонкий. Бегом, лейтенант, бабка заждалась.

«Сам-то старшего получил две недели назад», – подумал Саня, но только вздохнул. И отправился на личный прием.

Бабка и правда засиделась – комната успела насквозь пропитаться сладковатым душным запахом деревни и старости.

Услышав Сашины шаги, она обернулась и попыталась встать, опираясь на бакелитовую ручку клюки.

– Сидите-сидите!

Он сел сам, напротив бабки, через стол, и открыл книгу учета сообщений.

– Паспорт ваш, пожалуйста. Так... Зиновьева Анастасия Егоровна? 1928 года рождения?

Старушка кивнула, прилежно, как отличница на уроке. Процедуру она знала хорошо – ее фамилию в отделе помнили даже уборщицы. Саня и сам пару раз принимал от нее заявления, что-то про кур, инопланетянина, лезущего в дом через розетки, и козни соседей. Ничего необычного для восьмидесяти четырёх лет.

Саня глянул ей в лицо – сличить с фото в паспорте, и поймал взгляд – ясный, без малейших признаков маразма. А глаза голубые-голубые, как первые весенние пролески. Как у Саниной собственной бабушки.

Он закончил заполнять журнал и положил на стол ручку.

– Слушаю вас.

– У меня соседи, – начала Анастасия Егоровна, подаваясь вперед, – житья не дают.

– Чего они опять?

– Сатане поклоняются.

«Как и все соседи» – подумал Саня, вспомнив своих собственных соседей, всем прочим развлечениям предпочитающих ночной караоке и утренний ремонт, но промолчал. Только кивнул с серьезным видом. Первое правило общения с жалобщиками – серьезный вид. В нем был его секрет, а во все не в юношеской чуткости, в которой его обвинял Леха.

– Демона вызвали, – продолжала бабка. – Шумят. И воюет еще, как будто спички кто-то жгет.

«Возм. утечка газа» – записал Саша, а бабке еще раз кивнул.

– Может, разберетесь с ним?

– С соседом?

– С демоном. От него ж все. Вонь – точно от него.

Он нахмурился, показывая, что изо всех сил измышляет способы искоренить демона, и вновь посмотрел бабке в глаза. Маразма там все еще не было – только твердость духа.

– Пишите заявление. Покороче, по существу. Разберемся.

Два часа спустя Саня сидел и смотрел на отчет. Логический контроль выдавал ошибку. Снова и снова, одну и ту же, независимо от того, что он вписывал в тускло-серые ячейки таблицы.

Он застонал и уронил лицо в ладони. Сейчас бы в отпуск. В деревню. К бабушке. Но отпуск летом заслужить было еще сложнее, чем кондиционер.

Кабинет заполнил соленый запах лука и вспотевшего мужика – это Леха откусил от своей самсы.

Целлофановый пакетик с еще тремя такими же стоял на подоконнике, у приоткрытого окна, но эти мины вони, слава богу, пока никто не активировал.

– Как отчет? – поинтересовался Леха.

– Был бы лучше, если б ты не устраивал мне газовые атаки.

– Да камон, вкусно же. Я и тебе взял, угощайся.

– Может ты и отчет за меня добьешь?

– Не, Сань, давай сам, с меня сегодня только провиант.

– Честно, я уже душу дьяволу готов продать, лишь бы этот б***ский отчет сошелся наконец.

– Лучше так, чем шефу завтра объяснять на планерке, почему квартальный не готов, – ответил Леха, запихивая в рот крошащийся на брюки самсовый уголок.

Саня на угрозы не отреагировал – он теперь сосредоточенно разглядывал курсор «мышки», застывший над ячейкой «Итого».

– Так, вижу, у тебя появилась мысль, и ты ее думаешь, – Леха, очевидно, дожевал. – Отставить, лейтенант Скворцов!

– А где посмотреть адрес Зиновьевой? – спросил Саня.

– Сумасшедшей бабки? – нахмурился Леха.

– Ага.

– Отказной надо поднимать.

– Позвони в канцелярию? Тебя они больше любят.

– Саня, – он постучал по столу оттопыренным указательным пальцем, – отчет!

– У нее там утечка газа, – сказал Саша, а подумал, что, пусть и не утечка, – съездить все равно стоит. – Рванет – такой отчет нам всем будет. Особенно, если она уже жаловалась.

– Ладно, позвоню. Только возьми магарыч – у Танечки ПМС.

– Прибор малошумной стрельбы?

Леха закатил глаза.

– На, потом отдашь.

Саня взял помятую «Милку» с орешками, ежедневник и фуражку, проверил удостоверение в нагрудном кармане и отправился в путь.

Анастасия Егоровна ждала у забора, с обеих сторон густо заросшего иргой.

– А я знала, что ты придешь, внучек, – сказала она, хитро прищурившись, когда он дошел до ее калитки, и заправила под платок выбившиеся волосы, розовые в закатном свете,

как сладкая вата. – Сразу понятно.

Он кивнул – мол, как иначе. Ваша полиция вас бережет. Бабка поманила за собой.

– Она одна как раз, девка эта, главная у них. Остальные в гастроном пошли. Демон кушает сильно.

– Я посмотрел, соседка Ваша не привлекалась, на учете не состоит, как же так вышло у нее с сатаной-то? Секта?

Саня аккуратно переступил вялый красный мак, вылезший посреди вытоптанного пяточка у калитки.

– Викторовна померла весной еще, – терпеливо объяснила бабка. – Сын дом ее сдает кому попало, какой-то у него там Ар Бамбино, итальянец, видать.

От мака начиналась тропинка – через малинник, к дырке в рабице. Дырка вела на соседний участок.

Дом сатанистов не отличался от дома жертвы – обшарпанный, крохотный, неказистый.

Не обнаружив кнопки звонка, Саня постучал в дверь. И на всякий случай принял. Пахло пионами, скисшим молоком и вездесущим дымом. Ничего похожего на утечку газа.

– Что? – отозвались из-за двери.

– Откройте, – сказал Саня строго, – полиция.

Вышла девушка в классическом дачном костюме – застиранной футболке, джинсовых шортах и шлепанцах.

– Я Алла, – сказала она. – Мы не виноваты.

– Это само собой, – ответил Саня. – Никто не виноват.

– Мы просто по приколу это все: свечи там, заклинание

из интернета. Мы пьяные вообще были... мы не виноваты!

Он попросил документы на жилье. Чтоб разглядеть мелкий шрифт в распечатке с «Эйрбиэнби», пришлось выйти обратно на улицу.

Алла стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и терла краешек рукава. Анастасия Егоровна разглядывала ее, торжествуя и жадно, как охотник – добытого оленя.

– У вас бронь истекла три дня назад, – сказал Саня, возвращая распечатку. – Почему не освободили помещение?

– Так он не отпускает.

– Кто?

– Ну, демон. Вы ж из-за демона пришли?

Саня поджал губы. Эти, выходит, тоже тронутые.

– Показывайте вашего демона.

В большой комнате спрятаться демону было негде: из всей мебели только диван и кривоватая табуретка, накрытая белой кружевной салфеткой, а на ней – кинескопный телевизор в корпусе под дерево. Да еще иконы в темном углу. Обычная комната, в общем. Только пол, крашенный глянцевой охрой, местами прожжен.

Саша остановился перед телевизором. Анастасия Егоровна – за его правым плечом, как телохранитель.

– Ну?

– Сейчас, сейчас, – сказала Алла. И отступила назад, в сени, зачем-то прикрыв за собой дверь.

– А как он выглядит, Анастасия Егоровна? – спросил Са-

ша, прикидывая, что в комнате – теоретически – могло принять мало-мальски демонические очертания.

– Как демон и выглядит. Я ж комсомолка, внучек, разве ж нам про нечисть кто рассказывал. Но по телевизору вот показывают – этот такой же.

Мысли Сашки, уверенно движущиеся в сторону логичного объяснения, прервал звонкий шлепок – это на пол «лицом» вниз упала икона.

– Пошло, – сказала Анастасия Егоровна тоном опытного сантехника.

В комнате завоняло – действительно, спичками. Еще укусом и плацкартными вареными яйцами.

В голове Сани стало горячо, а в пальцах наоборот – холодно. Внезапно задышала третий день заложенная правая ноздря.

Молочно-серый экран телевизора засветился желтым, раскаляясь, как вольфрамовый волосок в старой лампочке. Потом – пошел пузырями. А потом – из телевизора вылез демон.

Настоящий, живой демон – с зелеными куриными ногами, клыками, торчащими вверх, как у кабана, и мохнатыми ушами. В сумраке, наступившем неожиданно, будто небо враз затянуло страшной грозовой тучей, ярко тлели узкие красные глаза.

– Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем! – Пробасил демон, разведя ког-

тистые лапы. – И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу.

– Может, застрелить его, внучек? – спросила Анастасия Егоровна, деликатно, будто не хотела прерывать вдохновенную речь демона.

– Из чего ж я его застрелю? – спросил Саня, не отрывая глаз от серых когтей – он такие видел в зоопарке, у ленивца.

– Так у меня ружье в хате есть. От деда осталось. Может и не стреляет уже, но когда дед помер, точно стреляло.

– Это ж статья, бабка, – вздохнул Саня.

– А какая уж теперь разница, внучек.

Демон зарычал и топнул ногой, рассыпая искры, крупные, как тепличная земляника.

– Внемли, смертный!

Одна из искр прилипла к Сашкиной руке, сразу под сгибом локтя, и он задохнулся от боли. Остальные приземлились на пол, вытягивая из толстого слоя краски едкий дымок.

– Я внемлю, внемлю, – машинально ответил Саша. – Вы, главное, не волнуйтесь

– И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! – с чувством продолжал демон. – И город великий распался на три части...

А Саша, тем временем, решал, в какое рыло лучше бить – верхнее, с коровьими ушами, или нижнее, на брюхе, жут-

кое, но зато находящееся в зоне поражения Сашкиной ноги в крепком форменном ботинке.

Пот тек в глаза. Он выбрал нижнее, более удобное рыло, но пнуть не успел: демон полыхнул буйным синим пламенем.

Саня еще различил, как с левого фланга, плывущая по контуру в обжигающем мареве, семенит к демону с ружьем наперевес Анастасия Егоровна.

Хлопнули выстрелы, два подряд.

Демон скукожился до человеческих размеров, жестом фокусника достал из-за спины свернутую в тугую трубку корку от номенклатурного дела и треснул ею Саню прямо по лбу.

И сказал голосом Лехи Дмитриева:

– Лейтенант Скворцов! Подъем!

Саша резко разогнулся, принимая в кресле нормальное для кресла положение.

– Тут спал, что ли? – продолжил Леха, уже в обычном своем обличии, сформированном в основном пристрастием к выпечке и сидячей работой, без всякого участия сатаны. – Отчет хоть доделал?

– Сейчас посмотрим, – ответил Саня, проморгавшись – приснится же такое – сдвинул «мышку», пробуждая компьютер. Тот загудел, опасно мигнул, но запустился. Логический контроль показывал чистый лист. Никаких ошибок. – Доделал!

– Ура! Можно душу не продавать.

Из открытого окна тянуло ароматной прохладой. Может,

и не нужен этот кондиционер... Кстати.

– Слушай, а где посмотреть адрес Зиновьевой?

– Сумасшедшей бабки? – Дмитриев бросил свою картонную дубинку в мусор.

– Ну да.

– Отказной надо поднимать.

– Позвонишь в канцелярию?

– Саня, – Леха посмотрел укоризненно, – отчет сначала хоть распечатай.

– Само собой!

– Ладно. Только магарыч возьми – у нашей Танечки... погоди, так она ж померла, еще весной.

– Танечка?

– Зиновьева. Давно уже не приходила. Слойку с вишней будешь?

– Нет, – ответил Саша. – Спасибо.

И, задумавшись, почесал не пойми откуда взявшийся волдырь на руке.